

ЛАРИН Виктор Лаврентьевич
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока
Дальневосточное отделение Российской
академии наук
г. Владивосток, Россия
victorlar@mail.ru

Victor L. LARIN
Institute of History, Archeology
and Ethnography of Peoples of the Far-East
Far-Eastern Branch of the Russian Academy
of Sciences
Vladivostok, Russia
victorlar@mail.ru

**ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ В «БОЛЬШОЙ
ЕВРАЗИИ» НАЧАЛА XXI ВЕКА: ВЫЗОВЫ И
ОТВЕТЫ**

**PACIFIC RUSSIA IN THE "GREATER EURASIA" AT
THE BEGINNING OF XXI CENTURY: CHALLENGES
AND RESPONDS**

В статье рассматриваются основные факторы, определяющие темпы, характер и направленность жизни и развития Тихоокеанской России в начале XXI в. Автор выделяет и анализирует сущность и воздействие трех, по его мнению, базовых вызовов, ответы на которые обуславливают политику российской власти в отношении этого региона: угроза ее утраты под воздействием внутренних и внешних факторов; периферийный статус и отстающее сырьевое развитие; современные евразийские интеграционные проекты Москвы, Пекина и Сеула. Первый вызов был сугубо умозрительным, но позволил Кремлю мобилизовать политическую и бизнес элиты страны на усиление тихоокеанского вектора политики России и поддержку развития Дальнего Востока. При этом целью этого развития было не преодоление периферийного статуса и сырьевой специализации региона, а более эффективное использование его потенциала в интересах центральной власти. Результаты оказались противоречивы с точки зрения как внутренней, так и внешней политики, что побудило Кремль создавать новые инструменты и институты для реализации своих геополитических и экономических проектов. Однако российский концепт «Большой Евразии», как и раскручиваемая параллельно ему китайская инициатива «Пояса и пути» на фоне завершения активной фазы «интеграции России в АТР», по сути, резервируют за Тихоокеанской Россией место «в подсобке» евразийской интеграции, намертво закрепляя за ней статус двойной - европейской и азиатской - периферии.

The article examines main factors that determine the pace, nature and direction of everyday life and economic development of Pacific Russia in the early 21st century. The author identifies and analyzes fundamental nature and impact of three, in his opinion, basic challenges, the answers to which determine Russian government policy towards this region: the threat of its loss under the influence of internal and external factors; peripheral status and lagging development based on its specialization in the raw materials extraction; modern Eurasian integration projects of Moscow, Beijing and Seoul. The first challenge was purely speculative but it allowed Kremlin to mobilize the country's political and business elites to strengthen Pacific vector of Russian policy and support Russia Far East development. In this case, the goal of this development was not to overcome the peripheral status and raw specialization of the region, but to utilize its potential more effectively in the interests of central government. The results were contradictory from the point of view of both domestic and foreign policies. Such outcome has prompted central government to create new instruments and institutions for implementation of his geopolitical and economic projects on the Pacific. The closure of an active phase of "Russia's integration into the APR", Kremlin promotion of the "Big Eurasia" concept as well as the Chinese "Belt and Road" initiative being launched alongside the Russian project, in the aggregate reserve for Pacific Russia a place "in the back" of the Eurasian integration, tightly fixing for her the status of a double - European and Asian - periphery.

Ключевые слова: Тихоокеанская Россия, Евразия, интеграция, периферия

Keywords: Pacific Russia, Eurasia, integration, periphery

***Благодарность. Статья подготовлена при поддержке гранта ДВО РАН
«Конфликтный потенциал и зоны напряженности на восточных рубежах России:
структурные трансформации и прогнозы развития».***

Acknowledgement. The article was prepared with the support of the grant of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences "Conflict Potential and Zones of Tension on the Eastern Borders of Russia: Structural Transformations and Development Forecasts".

Введение

Евразийская геополитическая и экономическая повестка всегда считалась для российского государства главной. Время от времени Россия была вынуждена реагировать на вызовы со стороны Тихоокеанской Азии, активизироваться в хозяйственном освоении и

укреплении обороны своих восточных рубежей, но ее европейская историко-культурная идентичность неизменно брала верх. То же происходит сегодня. Провал очередной попытки «интегрировать» Россию в Азиатско-тихоокеанский регион, ставший для многих очевидным в начале второго десятилетия XXI в., сопровождался активизацией «новых евразийцев», появлением концепта «Большой Евразии», который если не в политической риторике, то в реальной политике уже стал близкой альтернативой далекому для Москвы тихоокеанскому экономическому пространству.

Крутой поворот в очередной раз меняет статус и миссию Тихоокеанской России - от «моста между Евразией и Азиатско-тихоокеанским регионом» и «платформы для интеграции России в АТР» к восточной окраине «Большой Евразии». За этим поворотом не может не последовать переоценка вызовов и угроз безопасности региона, условий, задач и механизмов его развития, произведенная в новых координатах интересов и политики Кремля, более европейских, центрально-азиатских и ближневосточных, чем тихоокеанских. Частично это уже происходит. Государство отказалось от массированных бюджетных вливаний в экономику региона и сделало ставку на предоставление ему более благоприятных управленческих и правовых условий для саморазвития (создание территорий опережающего развития и свободных портов).

Однако вызовы для России, идущие с Востока, имеют преимущественно фундаментальный характер. В значительной степени они существуют по причине слабой освоенности тихоокеанских владений и неуверенности Москвы в прочности позиций России на восточных рубежах. Критическое значение имеют также восприятие (преимущественно субъективное) и интерпретация вызовов и угроз.

Первым вызовом, возникшим практически с момента появления русских на берегах Амура и Тихого океана, стало перманентное опасение потерять освоенные территории, которое время от времени побуждало Петербург и Москву активизировать политику на Востоке [Подробнее см.: 1]. Во второй половине XX в. в условиях холодной войны демографическая разряженность и слабая экономическая освоенность дальневосточного региона компенсировались наличием в нем мощной военной группировки, подкрепленной комплексом необходимых для обеспечения ее нужд предприятий ВПК, и жестким управлением из центра. В 1990-е этот каркас был практически разрушен, регион покинула почти четверть населения, что на фоне массовой миграции китайцев в Сибирь и на Дальний Восток стало интерпретироваться как угроза физической утраты территории.

Вторым традиционным вызовом для Тихоокеанской России, одновременно евразийским и тихоокеанским, являются ее «периферийность» и в значительной степени обусловленное этим ее отстающее, сырьевое развитие. Слабость экономических связей с центром страны и нарастающее отставание Тихоокеанской России от ее восточноазиатских соседей в уровне и обустроенности жизни на сегодняшний день кажутся неизбежными и непреодолимыми, но еще большую тревогу вызывает растущий технологический разрыв. Все делавшиеся ранее попытки решить эти проблемы не принесли успеха, и экономическое «закабаление» региона на фоне его меняющейся этно-социальной структуры из вызова обещает превратиться в реальную угрозу.

Третьим, уже сугубо современным вызовом становятся сами по себе современные интеграционные проекты, нацеленные на евразийское пространство. Помимо российской «Большой Евразии» имеют место китайский «Пояс и путь» и южнокорейская «Новая северная политика». Во всех этих проектах геополитическая составляющая не менее значима, чем экономическая, при этом территории Тихоокеанской России куда более внятно представлены в стратегиях Южной Кореи и соседних провинций Китая, чем в евразийском проекте Москвы.

В настоящее время тема вызовов и угроз развитию Тихоокеанской России не очень активно обсуждается в российской академической среде, но время от времени поднимается в западной литературе. Проблема увязывается, прежде всего, с растущим экономическим и демографическим присутствием Китая в этом российском регионе [См. 2; 3; 4; 5]. Хотя это присутствие - лишь одно из последствий политики Москвы, являющейся, в свою очередь, производным от понимания роли и значения восточных районов в модели

развития государства, от интерпретации российской властью внешних вызовов и угроз российским интересам. Цель данной статьи - идентификация и оценка этих вызовов как специфических драйверов тихоокеанской политики российского государства и определяющих факторов современного развития Тихоокеанской России.

Вызов 1: «Потеря Дальнего Востока»

Будучи вполне реальным в начале и середине XX столетия, на рубеже XX-XXI вв. этот вызов оказался сугубо теоретическим и в какой-то степени даже спекулятивным, но эффективно сработавшим на интересы тихоокеанской политики Кремля. Он базировался, с одной стороны, на преувеличенных страхах населения перед «тихой экспансией» извне, с другой - на использовании этих страхов для убеждения закоренелых евразийцев в необходимости «интеграции России в АТР» и развития для этого Дальнего Востока. И не имеет при этом значения, что ни одно из соседних государств (в том числе реально претендующая на Южно-Курильские острова Япония) не обладало и сегодня не обладает возможностями заставить Россию отдать хотя бы небольшую часть своих земель и не вынашивает планов территориальной экспансии против РФ.

Нынешний вызов «потери территории» сформировался не в евразийском, а в азиатско-тихоокеанском дискурсе самоопределения России, что предопределило выбор ответов Кремля. Появление его стало следствием двух обстоятельств:

1) резкого ослабления политических и хозяйственных связей восточной периферии с центром вследствие социально-экономической дезинтеграции России в 1990-х, что происходило параллельно с активным расширением и углублением международных экономических связей этой периферии с соседями по Тихоокеанской Азии - Китаем, Японией и Республикой Корея;

2) продвижения идеи интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион, который априори воспринимался Москвой как локомотив мирового развития, способный вытащить Россию из постсоветской разрухи, безденежья и технологического тупика.

Катализатором страхов стала высочайшая активность китайских торговцев и трудовых мигрантов в России в целом и на ее восточных рубежах в особенности. Неспособность власти (пусть временная, но весьма резонансная) отрегулировать и проконтролировать этот поток, психологический шок россиян от столкновения с культурно иной и поэтому непонятной, но в то же время энергичной и легко адаптирующейся к российской реальности массой китайцев, а также активно вбрасываемые извне (прежде всего из США) идеи о нарастающей опасности всему миру со стороны Китая в совокупности сформировали у россиян синдром «китайской угрозы».

Тему возможного отторжения Дальнего Востока от России начали активно обсуждать вскоре после распада СССР. Главный источник - «коварные замыслы Пекина» - определили сразу [подробнее см.: 6, с. 320-331]. Тогда же эксперты заговорили об опасных последствиях экономической деградации и инфраструктурной оторванности региона от европейской части страны не только для судьбы Дальнего Востока, но и всего Российского государства. «Первейшей задачей страны является сохранение ее национальной идентичности и территориальной целостности... Экономическое оживление на Дальнем Востоке является критическим условием для достижения обеих целей», - писал в 1993 г. А. Богатуров [7, с. 302]. А в конце этого десятилетия А. Арбатов высказал мысль о том, что районы Сибири и Дальнего Востока «из источника блага... превращаются в зоны бедствия и потенциально в ахиллесову пяту российской безопасности, суверенитета и целостности» [8, с. 245].

В 2001 г. эту идею четко выразили авторы доклада «Стратегия для России: новое освоение Сибири и Дальнего Востока»: «Со времен М.В. Ломоносова считалось очевидным, что именно восточными землями России должно «прирастать ее могущество», а на рубеже тысячелетий стало ясно, что Сибирь и Дальний Восток - не только «могущество», но и сама судьба России. От того, в каком направлении будут развиваться на этих территориях федеративные, экономические, общественно-политические, социальные, демографические и этно-национальные процессы, станет все в большей мере зависеть внут-

ренная и внешняя, экономическая и оборонная политика всего государства» [9, с. 21]. А поскольку компетентные эксперты продолжали предупреждать о реальности угрозы отторжения Дальнего Востока от России, можно предполагать, что критическая масса, необходимая для воздействия на умы власти, сформировалась и дала свои плоды. В июле 2000 г. В. Путин впервые высказался о существовании угрозы отторжения Дальнего Востока от России: «Если в ближайшее время мы не предпримем реальных усилий, - предупредил президент, - то тогда даже исконно русское население через несколько десятилетий будет говорить в основном на японском, китайском, корейском языках» [11].

Подписание российско-китайского *Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве* от 16 июля 2001 г. заставило Кремль быть осторожнее в выражениях. В августе 2002 г. на очередном совещании по проблемам социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа о каких-то угрозах безопасности региона не говорилось. Но на этом заседании В. Путин произнес, наверное, ключевую для всех последующих решений и событий фразу об «огромном стратегическом значении» региона для России [12]. И уже в ноябре того же года Совет безопасности РФ обсуждал вопросы обеспечения национальной безопасности в ДВФО. При этом акцент был смещен от угрозы потери региона на его роль в решении новой для государства задачи - интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион. По мнению Президента, существовавшие на Дальнем Востоке «серьезные демографические, инфраструктурные, миграционные, экологические проблемы», «разбалансированность в его экономике» и «напряжение в социальной сфере» являлись препятствием к достижению этой цели [13].

Тем не менее «опасность с юга» не исчезла из подсознания чиновников. В начале 2006 г. правительство включило южные районы Дальнего Востока в «Программу содействия добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом». Пресса тогда много писала о планах правительства переселить на Дальний Восток 18 млн чел., и селить их предполагалось, прежде всего, вдоль линии границы с Китаем - в Приморском, Хабаровском краях и Амурской области [см.: 14; 15].

И все же именно потребность в экономическом плацдарме для «интеграции в АТР», а не обеспокоенность центра территориальной целостностью России, как это было прежде, или судьбой дальневосточников стало ключевым для принятия Кремлем последующих кардинальных решений по развитию Дальнего Востока. Но потребовалось еще несколько лет, в течение которых российское руководство «дозревало» до решительных шагов и подспудно готовило политическое и бизнес сообщества страны к «восточному повороту» страны. Этому созреванию способствовали восстановление у правящей элиты России чувства уверенности, утраченного в первое десятилетие после развала СССР, осознание ею важности поднимающейся Азии и ускоренного отставания своей страны от Китая, наконец, формирование у нее представления о России как «энергетической державе, незаменимой для мировой экономики» [16, с. 127-129] и способной эффективно действовать на азиатских рынках. В августе 2003 г. была принята «Энергетическая стратегия России», в которой говорилось о «диверсификации рынков сбыта энергоресурсов», «формировании единой энергетической и энерготранспортной инфраструктуры в сопредельных регионах Европы и Азии», «разработке программы освоения нефтегазовых ресурсов Восточной Сибири и Республики Саха (Якутия) и организации поставок углеводородов на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона» [17]. В декабре 2004 г. правительство РФ приняло окончательное решение о направлении трубопровода Восточная Сибирь - Тихий океан. В апреле 2005 г. в послании Федерального собрания В. Путин высказался о необходимости «концентрации государственных ресурсов на расширении транспортной, телекоммуникационной и энергетической инфраструктур» на Дальнем Востоке, «включая создание трансконтинентальных коридоров» как опоры при сотрудничестве России с сопредельными государствами [18].

9 августа 2006 г. Правительство РФ утвердило Федеральную целевую программу «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2007-2015 годы». Стратегической целью программы была названа «интеграция экономической системы [Курильских островов] с экономическими системами Российской Феде-

рации и Азиатско-Тихоокеанского региона». Среди ожидаемых конечных результатов реализации Программы на первом месте оказалось «обеспечение экономического закрепления Российской Федерации в Азиатско-Тихоокеанском регионе, имеющем геостратегическое значение для страны» [19, с. 2, 4].

20 декабря 2006 г. Совет безопасности РФ принял решение об ускоренном развитии Дальнего Востока. Поводом для принятия этого решения стала оценка ситуации в регионе как критической и угрожающей национальным интересам России, при этом в качестве угроз были определены внутренние экономические и демографические факторы: «убыль населения, глубокие диспропорции в структуре производства и внешнеэкономических связей» региона, неэффективное использование его естественных конкурентных преимуществ. Все это, по словам президента, представляло «серьезную угрозу для наших политических и экономических позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе, для национальной безопасности... России в целом» [20].

И хотя некоторые политики в столице вновь заговорили о «геополитическом удержании» Дальнего Востока [21, с. 23], политологи - об угрозах хозяйственного и культурного освоения территории «другими международно-правовыми субъектами» [22, с. 6], в очередной раз просторы Интернета заполнили страшилки о нарастающей демографической и грядущей военной экспансии Китая, первым ОТВЕТом на этот вызов стало не укрепление границ, модернизация обороны Тихоокеанской России, а создание на ее территории экономической и инфраструктурной платформы, призванной обеспечить интеграцию страны в Азиатско-Тихоокеанский регион. Как заметил по этому поводу Г. Розман, «в отличие от прежних попыток спасти российский Дальний Восток от экономического кризиса или подчинения соседними странами, на этот раз целью стало утвердить Россию в АТР в качестве самой мощной державы. Для того чтобы известить об этом присутствии, была выбрана одна окраина российского Дальнего Востока (сток. - В.Л.), обозначенная как платформа для экономического возрождения» [24, с. 47].

Вероятно, принятием этих решений Москва считала задачу выполненной, а угрозу потери Дальнего Востока если не решенной, то уже не столь критической. В утвержденной в мае 2009 г. «Стратегии национальной безопасности России» Дальний Восток упоминается лишь в контексте его экономического развития, а также охраны границы, а Азиатско-Тихоокеанский регион не представлен вообще. Однако события начала второго десятилетия XXI в. - затяжной экономический кризис в Европе, резкое обострение отношений между государствами Восточной Азии, обострение ситуации на Корейском полуострове, «возвращение США в Тихоокеанскую Азию» - вновь заставили задуматься об угрозах интересам России на востоке и предпринять шаги для их устранения. По мнению китайских экспертов, именно эти события, и особенно активизация усилий США по «возвращению в АТР», укрепление их союзнических отношений США с Японией и Южной Кореей, попытки играть ведущую роль в вопросах безопасности в АТР заставили Россию «ощутить угрозу безопасности ее восточным районам» и активизировать свои действия в Тихоокеанском регионе [26, с. 288].

Ответом на внешний вызов было решение восстановить военный потенциал России на востоке. Первым шагом стало решение об укреплении российской военной группировки войск на Южно-Курильских островах, принятое после посещения их Д.А. Медведевым в 2010 г. и данного им в феврале 2011 г. поручения «обеспечить безопасность этих островов как неотъемлемой части Российской Федерации» [27].

События на Украине в начале 2014 г. и резкое ухудшение на этой почве отношений России с Западом, а также эскалация и интернационализация гражданской войны в Сирии резко поменяли вектор представлений российской политической элиты о друзьях и врагах России. «Угрозы с востока» если не забыты, то ушли на второй план. Отдельные озабоченные «китайской угрозой» авторы продолжают пугать россиян «китайской экспансией на Дальнем Востоке» [28; 29], эта тема не ушла из фокуса внимания и населения страны в целом, но для политического руководства страны перестала быть приоритетной. Борьба за переустройство мировой системы, которую сегодня Россия ведет в тандеме с Китаем, уводит на третий план судьбу их периферийных районов. Как заметил по

этому поводу Dragoș Tîrnoveanu (главный редактор Global News Intelligence), «если Дальний восток и станет пороховой бочкой в отношениях между Россией и Китаем..., то это случится не ранее 2050 г.» [32].

Таким образом, уже со второй половины 2000-х Москва не рассматривает внешние угрозы с востока как приоритетные. В Концепции внешней политики РФ 2016 г. слово «безопасность» неоднократно фигурирует в разделах, связанных с оценкой ситуации в Европе и на просторах СНГ, но применительно к АТР употребляется лишь в контексте необходимости создания там «всеобъемлющей, открытой, транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества на коллективных началах» [33]. Акцент сделан на поиске ответов на внутренние, экономические и демографические вызовы развитию Тихоокеанской России, которые тем не менее отождествляются с экономическим отставанием от внешнего окружения. Как сформулировал эту тему в ноябре 2012 г. президент страны, «темпы, а главное, качество развития дальневосточных территорий, условия для жизни людей устраивать нас, безусловно, не могут. Дальний Восток отстает и от соседей по АТР, и от других регионов Российской Федерации» [34].

Вызов 2: «Периферийность» и отстающее, сырьевое развитие

Исторически сложилось, что Тихоокеанская Россия воспринимается в европейской части страны как далекая окраина, территория для романтиков и неудачников, экзотический край и сырьевая кладовая. При этом периферийный статус этого региона России обусловлен не только его географической отдаленностью и оторванностью от центра страны, малой численностью населения и неразвитостью инфраструктуры, но и соседством с окраинными и экономически менее развитыми территориями других стран - Японии, Китая, Южной Кореи и КНДР. Именно эта «группа периферийных районов..., отделенных от национальных центров», составляет ядро Северо-Восточной Азии [35, с. 265]. Для Москвы, Пекина, Токио и Сеула Северо-Восточная Азия представляется второстепенной территорией, не заслуживающей особого внимания, поскольку их главные экономические интересы ориентированы не вовнутрь этого региона, а как бы поверх него, глобально [36, с. 45]. Достаточно сказать, что в объеме внешней торговли каждой из стран СВА на долю их соседей приходится от 36,7 (Южная Корея) до 16,3% (КНР). Отношения же самих «периферий» между собой строятся в основном по линии мелкого и среднего бизнеса, имеющего ограниченные финансовые ресурсы, слабую поддержку центральных правительств и, по большому счету, - малый интерес друг к другу. Вероятно, эта периферийность наряду с «фактором КНДР» является одной из главных причин, по которым Северо-Восточная Азия не оправдала возлагавшихся на нее в конце XX в. больших надежд и так и не стала локомотивом регионализма и мирового экономического развития.

Безусловно, восточные районы России - это не экономическая периферия в классическом ее понимании, хотя и несет в себе некоторые ее роковые черты, а, скорее, территория с грузом исторически сложившихся, сложных и очень затратных проблем, никогда не являвшихся приоритетными для центральной власти, в силу чего решение этих проблем систематически откладывалось «на потом». Львиная доля населения, экономического потенциала, бюрократических структур страны всегда была сконцентрирована в ее европейской части. Доминирующая в сознании россиян ориентация на Европу и периферийный, с точки зрения большей части населения страны, статус Азии вообще и ее российской составляющей в частности - это тяжелый балласт, тормозящий движение страны на Восток.

Внешняя политика России традиционно европоцентрична. Восточное направление имело в ней второстепенное значение, а Восточная Азия, с точки зрения национальных интересов, воспринималась чаще всего как далекая, экзотическая и малоинтересная периферия. Именно поэтому под «развитием» Дальнего Востока всегда понималось либо создание экономической и социальной инфраструктуры, призванной обеспечить его оборонные потребности, либо освоение его природных ресурсов «в целях развития всей страны». В этой логике мышления человеческий фактор присутствовал не более чем как

инструмент для решения стратегических задач, ставка делалась не на местную, а на привлекаемую и преимущественно неквалифицированную рабочую силу, а численность населения резко колебалась в зависимости от направленности миграционных потоков.

Однако никак не преодолимая сырьевая направленность развития Тихоокеанской России - это следствие не только наличия в ней богатых природных ресурсов, малой численности населения, традиционного к ней колониального отношения Центра, но и запросов восточноазиатских партнеров России. Им не нужны конкуренты в сфере промышленности и сельского хозяйства, но необходимы конкретные ресурсы, прежде всего энергетические и продовольственные, для обеспечения собственного устойчивого и безопасного развития. И эти свои интересы они прямо или подспудно навязывают России на разных уровнях и в разных форматах политического и экономического диалога с ней.

Таким образом, преодоление периферийности Тихоокеанской России априори противоречит интересам как российского центра, так и соседей России по региону, но в то же время, оставаясь экономически отсталым, регион порождает вызовы для социальной стабильности и национальной безопасности государства. «Экономическая периферия формируется странами, практически (не на словах) не ставящими в качестве своей стратегической цели ускоренное развитие наукоемких производств. Эти страны останутся в качестве поставщика ресурсов в критические точки экономического центра. А раз так, то все они обречены на зависимое развитие. Следовательно, никакой экономической безопасности для себя они обеспечить не смогут» [39, с. 7]. Разговоры о создании наукоемких производств, использовании для этого потенциала дальневосточной науки ведутся постоянно, но у местной власти и бизнеса для этого нет достаточных ресурсов, да и понимания, а центр заиклен на утилитарной функции региона как сырьевой кладовой и «моста», которым высокие технологии ни к чему.

После заседания Совета безопасности 20 декабря 2006 г. борьба с экономическими вызовами России на востоке приобрела целенаправленный характер. Причем за основу были приняты знакомые методы советской эпохи: массовые бюджетные вливания, грандиозные стройки, ручное управление. В августе 2007 г. правительство России утвердило новый вариант программы «Развитие Дальнего Востока и Забайкалья до 2013 года» стоимостью в 430 млрд руб., а в августе 2008 г. внесло в нее изменения в виде подпрограммы «Развитие г. Владивостока как центра международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе» стоимостью 202 млрд руб. [40]. В последующий период финансирование этой подпрограммы, в отличие от большинства предшествующих программ, не только аккуратно выполнялось, но и было увеличено, прежде всего за счет привлечения внебюджетных средств. В декабре 2009 г. правительство утвердило *Стратегию социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года*, среди обозначенных целей которой было оказать «реальное противодействие потенциальной угрозе безопасности страны на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе» [41].

В ноябре 2012 г. на заседании Президиума Госсовета Путин вновь сделал акцент на экономической платформе обеспечения безопасности региона, высказался о необходимости его ускоренного, устойчивого развития, «с тем чтобы и сами эти территории развивались эффективно, и чтобы они стали важнейшим фактором процветания и роста могущества России в целом» [34]. В послании Федеральному собранию 12 декабря он еще раз подтвердил, что вектор развития России в XXI веке - «это развитие на восток», а использование колоссального потенциала Сибири и Дальнего Востока - это «возможность занять достойное место в Азиатско-Тихоокеанском регионе» [42], фактически подтвердив, что «развитие Дальнего Востока» - это не цель, а инструмент для решения общих стратегических задач.

Результаты активных действий Москвы по преодолению экономических угроз на востоке противоречивы. С одной стороны, с 2000 по 2013 гг. существенно (в 14 раз, с 2,8 до 39,9 млрд долл.) увеличился внешнеторговый оборот Тихоокеанской России. Выросло ее значение (благодаря строительству нефтепровода Сибирь - Тихий океан) в экономических отношениях России со странами Тихоокеанской Азии. Успешно реализован гранди-

озный проект по подготовке Владивостока к Саммиту АТЭС. С другой - не была преодолена ни одна из негативных тенденций, которые и побудили Кремль бросить силы на ускоренное развитие региона. Осенью 2013 г. глава правительства РФ Д. Медведев был вынужден признать, что «все подходы, все модели, которые мы использовали в последние годы, для того чтобы кардинальным образом изменить развитие Дальнего Востока, ... не дали экономического эффекта» [43], а в марте следующего года глава Счетной палаты РФ Т. Голикова доложила Президенту России, что программы по развитию Дальнего Востока и Курильских островов «с точки зрения и финансового обеспечения, и результатов, которые в них планировались, не реализованы» [44]. Тихоокеанская Россия так и осталась территорией некомфортного проживания и отстающего социального развития. Самое наглядное тому свидетельство - дальнейшее снижение численности и ухудшение качества населения региона.

Не удивительно, что начались поиски новой, более эффективной модели развития восточных районов России, а поскольку угрозы рассматривались по-прежнему в парадигме экономики, то в центр нового подхода была положена идея перенесения бремени развития территории с государства на бизнес. В сентябре 2013 г. была дезавуирована Программа развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2025 г., утвержденная решением Правительства РФ за полгода до этого (29 марта), а в декабре продлена еще на 5 лет по сути проваленная Федеральная программа развития региона до 2013 г. В течение года обсуждалась идея создания Госкорпорации по развитию Дальнего Востока, а том же декабре В. Путин предложил идею создания «территорий опережающего развития» (ТОР) как локомотива ускоренного развития этого региона.

На данный период времени ни ТОРы, ни Свободный порт Владивосток в концепте обеспечения безопасности России не рассматриваются, хотя алармисты уже поднимают вопрос об использовании ТОРов как нового канала китайской экспансии [46]. Первые результаты их деятельности вселяют большое сомнение в способность этих инструментов решить или хотя бы ослабить проблему периферийности и отстающего развития Тихоокеанской России. Вызов продолжает существовать, более того, он становится более актуальным на фоне евразийских интеграционных концептов, которые активно внедряются в экономическую и политическую реальность континента во втором десятилетии XXI в.

Вызов 3: «Один пояс, один путь», «Большая Евразия», «Новая северная политика»

Интеграция на постсоветском пространстве буквально сразу после развала СССР была объявлена и всегда оставалась одним из основных внешнеполитических приоритетов Кремля. Однако вплоть до недавнего времени эти процессы никоим образом не касались восточных районов России, не всегда мирно, но сосуществуя в сознании российского руководства с концептом тихоокеанской интеграции. В начале второго десятилетия XXI в. евразийский дискурс самоопределения России становится приоритетным. Причин тому было несколько. Среди основных - усилившееся внимание США к постсоветскому пространству, возросшая активность Китая в Центральной Азии, а также нарастающее разочарование результатами «интеграции России в АТР». Закономерно, что внимание Москвы сфокусировалось на этой части Евразии.

В середине 2000-х годов в Институте Центральной Азии и Кавказа при университете Джона Хопкинса (США) под руководством Ф. Старра была сформулирована концепция Большой Центральной Азии (Greater Central Asia), запущена международная исследовательская «Программа изучения Шелкового пути» (Silk Road Studies Program), результатом которой стало предложение о создании единой транспортной инфраструктуры для Центральной и Южной Азии, получившей название «Нового шелкового пути» (New Silk Road) [47]. Идея была подхвачена Госдепартаментом США и трансформирована в стратегию интеграции Центральной и Южной Азии в единый экономический регион с центром в Афганистане. Впервые ее публично представила госсекретарь США Х. Клинтон 20 июля 2011 г. [48].

В какой-то степени заявление Х. Клинтон стало ответом на предложенную В. Путиным в ноябре 2010 г. идею создания «единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока» [49] и подписанное в декабре того же года соглашение между членами ЕврАзЭС о создании единого экономического пространства Беларуси, Казахстана и России. Генеральным направлением было объявлено «создание Евразийского экономического союза в целях обеспечения гармоничного, взаимодополняющего и взаимовыгодного сотрудничества с другими странами, международными экономическими объединениями и Европейским союзом с выходом на создание общего экономического пространства» [50].

Пекин так же не мог не отреагировать на очередную попытку Вашингтона прибрать к своим рукам Центральную Азию и укрепиться на Ближнем Востоке. Эти ходы Белого дома вписывались в его политику «сдерживания Китая» и создавали очевидные угрозы стабильности в Синьцзяне. Требовали ответа и евразийские инициативы Москвы. В сентябре 2013 г. Си Цзиньпин выступил с идеей строительства «Экономического пояса Шелкового пути», нацеленного на активизацию экономического сотрудничества со странами Центральной Азии. Через месяц в Индонезии китайский лидер выступил с предложением о создании «Морского Шелкового пути XXI века». Обе инициативы - это не только транспортные коридоры, а целый комплекс экономических, политических и культурных связей Китая со странами Центральной Азии, Ближнего Востока, Северной Африки и Европы. По крайней мере, так представлена эта инициатива в программном документе Пекина, опубликованном в марте 2015 г. [51], и в последовавших за этим многочисленных разъяснениях и толкованиях идеи «Пояса и пути».

С формальной точки зрения Тихоокеанская Россия представлена и в Евразийском экономическом союзе, соглашение о котором Россия подписала с республиками Беларусь и Казахстан в мае 2014 г. (здесь она выступает как часть «единого экономического пространства»), и в базовой версии инициативы «Пояса и пути»). Последняя предполагает строительство «международного коридора экономического сотрудничества тай - Монголия - Россия», «улучшение железнодорожного сообщения Хэйлунцзяна с Россией, а также сотрудничество Хэйлунцзяна, Цилиня, Ляонина с Дальним Востоком РФ в области комбинированной сухопутной и морской транспортировки» [51]. Более того, Концепция внешней политики РФ 2013 г. представила Евразийский экономический союз в качестве «эффективного связующего звена между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом» [52], а китайская инициатива нацеливала на «формирование и укрепление взаимосвязанности в материках Азии, Европы и Африки, и в омывающих их океанах».

Концепт Большой Евразии начал активно внедряться в политическую лексику со второй половины 2015 г. Годом позднее сначала на Петербургском экономическом форуме, а затем и втором Восточном экономическом форуме во Владивостоке Президент РФ В. Путин уже уверенно говорил о «широкой евразийской интеграции» (“Comprehensive Eurasian partnership”) и «формировании большого евразийского партнерства» (“developing a big Eurasian partnership”) [53]. На российско-китайских саммитах в июле 2017 и июне 2018 г. он настойчиво проводил линию на «сопряжение Евразийского экономического союза с китайской инициативой «Экономического пояса Шелкового пути» как основе для формирования «большого евразийского партнерства» [54; 55].

В реальности как в российском, так и в китайском евразийских проектах Тихоокеанской России отводится роль стороннего наблюдателя, транзитной территории и источника сырья. Реальный интерес она представляет только для сопредельных китайских территорий. В декабре 2014 г. вице-премьер КНР Ван Ян подтвердил, что «Китай намерен активно участвовать в строительстве дальневосточной зоны развития и расширять взаимовыгодное сотрудничество с регионом, чтобы форсировать кросс-границное социальное и экономическое развитие» [56]. Программа развития Северо-Востока Китая, принятая весной 2016 г., называет приоритетными задачи сопряжение программ развития Северо-Востока КНР и Дальнего Востока России и строительство экономического коридора «Китай - Монголия - Россия» [57]. В документах, подписываемых в ходе российско-китайских саммитов, присутствуют не более чем намерения сторон «улучшить условия

для транзита китайских грузов через сеть российских железных дорог, порты Дальнего Востока России, а также по Северному морскому пути» [58], развитие и использование Северного морского пути [59], «увеличение объема транзитных перевозок из Китая через Россию», «укрепление российско-китайского сотрудничества в Арктике» и абстрактное желание совместно разработать «план развития сельского хозяйства на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе России и в Северо-Восточном Китае» [60].

В целом пропагандируемые ныне в Москве и Пекине варианты «сопряжения» двух проектов пока очень абстрактны. Это закономерно. Даже охватить взглядом все сложное пространство Евразии непросто, что уже говорить о разработке общего проекта его интеграции. Сегодня помыслы инициаторов проектов сфокусированы на создании интеграционной платформы в районе Центральной Азии и последующем ее расширении на Восточную Европу и Юго-Западную Азию. Огромные массивы Восточной и Южной Евразии в этих инициативах пока никак не представлены.

В то же время соседние с Россией территории КНР - Хэйлунцзян, Цилинь и Внутренняя Монголия - активно продвигают выгодные им дополнения к «Экономическому поясу Шелкового пути», которые выводят его на Тихоокеанскую Россию, но не ограничиваются ею. Более того, реализацию идеи «пояса и пути» они сегодня, по сути, отождествляют с «политикой внешней открытости». Местные варианты проекта Шелкового пути нацелены, прежде всего, на создание трансграничной транспортной инфраструктуры, выводящей эти континентальные территории через Транссиб на западе и порты Приморья на востоке на рынки Европы, Восточной Азии и Америки.

Тихоокеанская Россия находится и в фокусе «Новой северной политики» нынешнего Президента Южной Кореи Мун Чжэ Ина. Эта политика, как и «Железный шелковый путь» прежнего президента РК Пак Кын Хе, имеет четко выраженную евразийскую направленность, а Дальний Восток, если исходить из заявления Мун Чжэ Ина, сделанного на втором Восточном экономическом форуме во Владивостоке, «является пространством, где встречается восточная политика России и новая северная политика Кореи», для развития этого региона «самым оптимальным партнером является именно Республика Корея» [61]. Однако процесс разработки самой политики затянулся, что связано с оживлением межкорейского диалога в начале 2018 г. и возникшими на этой основе ожиданиями новых возможностей трехстороннего - в формате Южная и Северная Корея + Россия - взаимодействия.

В то же время, пока на политическом и экспертном уровне обсуждались нюансы «сопряжения» концептов «Большой Евразии» и «Пояса и пути», объем торговли Тихоокеанской России с Китаем снизился на 7,5% (с 14,3 млрд долл. в 2014 до 12,6 млрд долл. в 2017 г.). При этом импорт этого российского региона из КНР (что никак не связано с ценами на энергоресурсы) сократился на 37,4%, а его доля в российско-китайских экономических связях упала с 16,2% до 14,3%. Непросто усмотреть в этом прямую связь с новыми интеграционными концептами двух столиц, но факт остается фактом: регион оказывается на периферии интеграционных процессов.

Таким образом, в очередной раз предпринятые российской властью попытки если не устранить, то хотя бы ослабить воздействие факторов, вызывающих у нее опасения и тревоги о судьбе восточных окраин страны, не принесли ожидаемого результата. Времени, средств да и умения для этого было явно недостаточно. Формальный статистический рост не привел к общему экономическому развитию региона. Его растущее экономическое отставание от соседнего Китая видно каждому, кто хотя бы пересекает российско-китайскую границу, а продолжающийся отток населения свидетельствует никак не о его положительной реакции на политику властей. В России евразийский сюжет проявился в переключении внимания политологического сообщества на обсуждение «Большой Евразии» и заметном снижении его интереса к Дальнему Востоку. Снижение этого интереса в условиях кардинально меняющегося геополитического расклада в регионе как раз и представляет собой новую и вполне реальную угрозу для России.

Обратившись к традиционной для него евразийской повестке, Кремль, а вместе с ним и крупный российский бизнес, возвращают себе традиционный взгляд на Тихооке-

анскую часть страны как на «Дальний Восток» со всеми присущими ему проблемами. Хотя угроза «потери региона» переместилась на пространство Интернета и остается преимущественно умозрительной, она по-прежнему заставляет местные власти осторожничать в привлечении китайских инвестиций и трудовых ресурсов. В этих условиях крайне сомнительной становится возможность реализации на этой территории серьезных проектов азиатских соседей России, за исключением инфраструктурных. Именно поэтому эти соседи не подкрепляют свои теоретические выкладки активными действиями и ждут реакции Москвы. Отсутствие внятной реакции и эффективной политики последней как раз и может стать реальной угрозой в ближайшем будущем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ларин В.Л. Внешняя угроза как движущая сила освоения и развития Тихоокеанской России. - М.: Московский центр Карнеги, 2013. - 25 с.
2. Bolton K.R. Russia and China. An Approaching Conflict // The Journal of Social, Political, and Economic Studies. - 2009. - Vol. 34. No. 2. - Pp. 154-194.
3. Raiklin E. The Chinese Challenge to Russia in Siberia and the Russian Far East // The Journal of Social, Political, and Economic Studies. - 2008. - Vol. 33. No. 2. - Pp. 145-204.
4. Rozman G. The Russian Pivot to Asia // The Asan Forum. - 2014. - Vol. 2. No. 6. - URL: <http://www.theasanforum.org/the-russian-pivot-to-asia/> (accessed 05.02.2017).
5. Mankoff J. US Perspective // The Asan Forum. 2014. July 25. - URL: <http://www.theasanforum.org/us-perspective-3/> (accessed 05.02.2017).
6. Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX - начало XXI в.). - М.: Восток-Запад, 2005. - 390 с.
7. Bogaturov A.D. Russia in Northeast Asia: Setting a New Agenda // Korea and World Affairs. - 1993. - Vol. 17, No. 2. - Pp. 298-315.
8. Арбатов А. Национальная идея и национальная безопасность // Мировая экономика и международные отношения. - 1998. - № 5. - С. 5-21; - № 6. - С. 5-19.
9. Стратегия для России: Новое освоение Сибири и Дальнего Востока. - М.: Совет по внешней и оборонной политике, 2001. - 75 с.
10. Гельбрас В. Г. Китайская реальность России. - М.: Муравей, 2001. - 320 с.
11. Путин В.В. Вступительное слово на совещании «О перспективах развития Дальнего Востока и Забайкалья». Благовещенск. 21 июля 2000 г. // Официальный сайт Президента России. - URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21494>.
12. Стенографический отчет о совещании по проблемам социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа // Официальный сайт Президента России. - URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21694>.
13. Путин В.В. Вступительное слово на заседании Совета Безопасности по вопросам обеспечения национальной безопасности на Дальнем Востоке. 27 ноября 2002 г. // Официальный сайт Президента России. - URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21791>.
14. Жунусов О. 18 миллионов человек отправят на Дальний Восток // Известия. - 2006. 22 марта.
15. Кем заселить Дальний Восток? // Труд. - 2005. 15 авг.
16. Trenin D. Russia's Asia Policy under Vladimir Putin, 2000-2005 // Russian Strategic Thought toward Asia. Ed. by G. Rozman, K. Togo and J.P. Ferguson. - N.Y.: PALGRAVE MACMILLAN, 2006. - Pp. 111-135.
17. Энергетическая стратегия России на период до 2020 года // Официальный сайт Министерства энергетики Российской Федерации. - URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026>.
18. Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 25 апреля 2005 года // Официальный сайт Президента России. - URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931>.
19. Федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2007-2015 годы» // Официальный сайт Департамента государственных целевых программ и капитальных вложений Минэкономразвития России. - URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp/cgi/Fcp/ViewFcp/View/2012/232/?yover=2007>.

20. Путин В.В. Вступительное слово на заседании Совета Безопасности. 20 декабря 2006 г. // Официальный сайт Президента России. - URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23965>.
21. Дальневосточный регион в социально-политическом пространстве России: проблемы и пути их решения. Сборник материалов. - М.: Издание Совета федерации, 2008. - 147 с.
22. Виноградов А.В. Россия в АТР: новые цели и задачи // Россия в АТР: проблемы безопасности и сотрудничества: Сб. материалов. - М.: РИСИ, 2011. - С. 5-10.
23. Греков Я. «Китай нападет на Россию через 5 лет» // Русский журнал. - 2007. 27 марта.
24. Rozman G. Strategic Thinking About the Russian Far East. A Resurgent Russia Eyes Its Future in Northeast Asia // Problems of Post-Communism. - 2008. January/February. - Pp. 36-48.
25. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Официальный сайт Президента России. - URL: <http://kremlin.ru/supplement/424>.
26. 国际战略与安全形势评估 (Обзор международной стратегии и безопасности). 2011/2012. - Пекин: Шиши чубаньшэ, 2012. - 355 с.
27. Экономическое развитие и обеспечение безопасности Курильских островов Президент обсудил с главами министерств обороны и регионального развития. 9 февраля 2011 года // Официальный сайт Президента России. - URL: <http://kremlin.ru/transcripts/10289>.
28. Прокофьев Д. Китай и Россия: непримиримые противоречия на Дальнем Востоке // Информационно-аналитическое сетевое издание «ПРОВЭД». - URL: <http://xn--b1ae2adf4f.xn--p1ai/article/45862-kitay-i-rossiya--neprimirime-protivorechiya-na-dalnem-vostoke.html>
29. Храмчихин А. Дракон проснулся?: внутренние проблемы Китая как источник китайской угрозы для России. - 2-е изд. - М.: Ключ-С, 2015. - 192 с.
30. Угрозы со стороны государств и организаций России. Китай // Интернет портал ВЦИОМ. - URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1077&q_id=74757&date=15.05.2016 (дата обращения: 26.03.2018).
31. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Китай в общественном мнении жителей Тихоокеанской России (по итогам опроса 2017 г.) // Россия и АТР. - 2018. - № 2.
32. Tîrnoveanu Dragoş. Russia, China and the Far East Question. Are there any Chinese 49ers around? // The Diplomat. 2016, January 20, Интернет-портал The Diplomat. - URL: <http://thediplomat.com/2016/01/russia-china-and-the-far-east-question/> (дата обращения: 22.04.2018).
33. Концепция внешней политики Российской Федерации // Официальный сайт Президента России. - URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf>.
34. Заседание президиума Госсовета. 29 ноября 2012 года // Официальный сайт Президента России. - URL: <http://www.kremlin.ru/news/16990>.
35. Gipouloux Francois. The Asian Mediterranean. Port Cities and Trading Networks in China, Japan and Southeast Asia, 13th-21st Century. - Northampton: Edward Elgar Publishing, Inc., 2011. - 407 p.
36. Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия / под ред. чл.-корр. РАН, профессора В.Л. Ларина. - Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. - 386 с.
37. Kim Chungsoo. Economic Cooperation in Northeast Asia // Korean Journal of International Studies. - 1991. - Vol. XXII. No. 1. - Pp. 55-74.
38. Rozman Gilbert. Northeast Asia's Stunted Regionalism: Bilateral Distrust in the Shadow of Globalization. - Cambridge: Cambridge University Press, 2004. - 401 p.
39. Овакимян Б.Р. Периферийная экономика и проблема конкурентоспособности // Российское предпринимательство. - 2009. - Т.10. № 9. - С. 4-9.
40. Распоряжение Правительства РФ от 6 августа 2008 г. N 1128-р // Информационно-правовой портал Гарант.РУ / - URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/93697/>.
41. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96571/f1d12cbe15c5cdddbd0ac61a818831f10e1f7c4d/.
42. Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. 12 декабря 2012 года // Официальный сайт Президента России. - URL: <http://kremlin.ru/transcripts/17118>.

43. Заседание Правительственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока, октябрь 2013 г.) // Официальный сайт Правительства России. - URL: <http://government.ru/news/15151/> (дата обращения: 25.01.2015).
44. Совещание с членами правительства. 26 марта 2014 г. // Официальный сайт Президента России. - URL: <http://kremlin.ru/transcripts/20642> (дата обращения: 23.01.2015).
45. Демографические ежегодники России за 2007-2012 гг. (Население субъектов Российской Федерации на 1 января) // Официальный сайт Госкомстата РФ. - URL: <http://www.gks.ru> (дата доступа: 22.01.2015).
46. Комраков А. Российский Дальний Восток открыт для экспансии Китая. Развитие особых экономических зон может обернуться передачей земель южному соседу // Сайт Независимой газеты. - URL: http://www.ng.ru/economics/2016-09-02/1_east.html.
47. The New Silk Roads. Transport and Trade in Greater Central Asia / Ed. by S. Frederick Starr. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2007. - 510 p.
48. Remarks on India and the United States: A Vision for the 21st Century. Hillary Rodham Clinton Secretary of State. Anna Centenary Library. Chennai, India. July 20, 2011. U.S. Department of State web-site. Archived content. - URL: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/07/168840.htm> (accessed April 21, 2018).
49. Putin W. Plädoyer für Wirtschafts gemeinschaft - Von Lissabon bis Wladiwos // Süddeutsche Zeitung. - 2010. November, 25.
50. Заседания Межгоссовета ЕврАзЭС (Высшего органа Таможенного союза) и Межгоссовета ЕврАзЭС на уровне глав государств // Официальный сайт Евразийского экономического сообщества. - URL: <http://www.evrases.com/news/view/841> (дата обращения: 21.04.2018).
51. Vision and Actions on Jointly Building Belt and Road. Available at: CRIENGLISH.com. - URL: http://english.cri.cn/12394/2015/03/29/2941s872030_4.htm (accessed 30.05.2016).
52. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. - URL: <http://www.mid.ru/>.
53. Восточный экономический форум. Стенограмма пленарного заседания 3 сентября 2016 г. // Официальный сайт Президента России. - URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52808> (дата обращения: 02.02.2017).
54. Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров. 4 июля 2017 г. // Официальный сайт Президента России. - URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54979>.
55. Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров. 8 июня 2018 г. // Официальный сайт Президента России. - URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/57699>.
56. China, Russia Agree to Cooperate in Developing Far East // China Daily. - 2014, December 12. - URL: http://english.gov.cn/state_council/vice_premiers/2014/12/12/content_281475022770425.htm.
- 57.中共中央 国务院关于全面振兴东北地区等老工业基地的若干意见 (Некоторые предложения ЦК КПК и Госсовета по всестороннему возрождению северо-восточного региона и других старых промышленных баз. 26.04.2016.) // Официальный сайт Государственного комитета по развитию и реформам КНР. - URL: http://dbzxs.ndrc.gov.cn/zywj/201604/t20160427_799860.html (дата обращения: 31.03.2017).
58. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия от 20 мая 2014 года // Официальный сайт Президента России. - URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1643.
59. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия от 4 июля 2017 года // Официальный сайт Президента России. - URL: <http://kremlin.ru/supplement/5218>.
60. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики. 8 июня 2018 г. // Официальный сайт Президента России. - URL: <http://kremlin.ru/supplement/5312>.

61. Заявления для прессы по итогам переговоров с Президентом Республики Корея Мун Чжэ Ином. 06.09.2017 // Официальный сайт Президента России. - URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/55541>.

REFERENCES

1. Larin V. L. Vneshnyaya ugroza kak dvizhushchaya sila osvoeniya i razvitiya Tikhookeanskoi Rossii. [External Threat as a Driving Force for Exploring and Development the Russian Pacific Region]. Moscow: Carnegie Moscow Center, 2013, 25 p. (in Russ.).
2. Bolton K. R. Russia and China. An Approaching Conflict (2009), The Journal of Social, Political, and Economic Studies, Summer, vol. 34, no. 2, pp. 154-194.
3. Raiklin E. The Chinese Challenge to Russia in Siberia and the Russian Far East (2008), The Journal of Social, Political, and Economic Studies, vol. 33, no. 2, pp. 145-204.
4. Rozman G. The Russian Pivot to Asia (2014), The Asan Forum, November—December, vol. 2, no. 6. Available at: <http://www.theasanforum.org/the-russian-pivot-to-asia/> (accessed 05.02.2017)
5. Mankoff J. US Perspective (2014), The Asan Forum, July 25. Available at: <http://www.theasanforum.org/us-perspective-3/> (accessed 05.02.2017).
6. Larin V.L. Rossiisko-kitaiskie otnosheniya v regional'nykh izmereniyakh (80-e gody XX - nachalo XXI v.). [Russia-China Relations in the Regional Dimensions (80th of XX - the beginning of XXI centuries)]. Moscow: Vostok-Zapad, 2005, 390 p. (in Russ.).
7. Bogaturov A. D. Russia in Northeast Asia: Setting a New Agenda (1993), Korea and World Affairs, Summer, vol. 17, no. 2, pp. 298-315.
8. Arbatov A. Natsional'naya ideya i natsional'naya bezopasnost'. [National Idea and National Security]. (1998), Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, no. 5, pp. 5-21; no. 6, pp. 5-19. (in Russ.).
9. Strategiya dlya Rossii: Novoe osvoenie Sibiri i Dal'nego Vostoka (Strategy for Russia: New Development of Siberia and the Far East). Moscow: Sovet po vneshnei i oboronnoi politike, 2001, 75 p. (in Russ.).
10. Gel'bras V.G. Kitaiskaya real'nost' Rossii. [Russia's China Reality]. Moscow: Muravei, 2001, 320 p. (in Russ.).
11. Putin V.V. Vstupitel'noe slovo na soveshchanii «O perspektivakh razvitiya Dal'nego Vostoka i Zabaikal'ya». Blagoveshchensk. 21 iyulya 2000 g. [Opening speech at the meeting "On the prospects for the development of the Far East and Transbaikalia". Blagoveshchensk. July 21, 2000], available at: Official website of President of Russia, <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21494>. (in Russ.).
12. Stenograficheskii otchet o soveshchanii po problemam sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga. [Verbatim report on the meeting on the problems of social and economic development of the Far Eastern Federal District], available at: Official website of President of Russia, available at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21694>. (in Russ.).
13. Putin V.V. Vstupitel'noe slovo na zasedanii Soveta Bezopasnosti po voprosam obespecheniya natsional'noi bezopasnosti na Dal'nem Vostoke. 27 noyabrya 2002 g. [Opening remarks at a meeting of Security Council on issues of national security in the Far East. November 27, 2002], available at: Official website of President of Russia, <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21791>. (in Russ.).
14. Zhunusov O. 18 millionov chelovek otpravlyat na Dal'nii Vostok. [18 million people will be sent to the Far East] (2006), Izvestiya, March 22. (in Russ.).
15. Kem zaselit' Dal'nii Vostok? [Who will populate the Far East], (2005), Trud, August, 15. (in Russ.).
16. Trenin D. Russia's Asia Policy under Vladimir Putin, 2000-2005, in: G. Rozman, K. Togo and J. P. Ferguson eds. Russian Strategic Thought toward Asia, New-York: PALGRAVE MACMILLAN, 2006, pp. 111-135.
17. Energeticheskaya strategiya Rossii na period do 2020 goda. [Russia's energy strategy for the period until 2020], available at: Official website of the Ministry of Energy of the Russian Federation, available at: <https://minenergo.gov.ru/node/1026>. (in Russ.).
18. Putin V.V. Poslanie Federal'nomu Sobraniyu Rossiiskoi Federatsii. 25 aprelya 2005 goda [Message to the Federal Assembly of Russian Federation. 25 April 2005], available at: Official website of President of Russia, available at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931>.

19. Federal'naya tselevaya programma "Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Kuril'skikh ostrovov (Sakhalinskaya oblast') na 2007 - 2015 gody". [Federal purpose-oriented program "Socio-economic development of the Kuril Islands (Sakhalin Region) for 2007-2015"], available at: Official website of the Department of State Purpose-oriented Programs and Capital Investments of the Ministry of Economic Development of Russia, available at: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2012/232/?yover=2007>. (in Russ.).
20. Putin V.V. Vstupitel'noe slovo na zasedanii Soveta Bezopasnosti 20 dekabrya 2006 g. [Opening remarks at the meeting of Security Council. December 20, 2006], available at: Official website of President of Russia, available at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23965>. (in Russ.).
21. Dal'nevostochnyi region v sotsial'no-politicheskom prostranstve Rossii: problemy i puti ikh resheniya. Sbornik materialov. [Far Eastern region in the socio-political space of Russia: problems and ways to solve them. Collection of materials], Moscow: Izdanie Soveta federatsii, 2008, 147 p. (in Russ.).
22. Vinogradov A. V. Rossiya v ATR: novye tseli i zadachi. [Russia in the APR: new goals and objectives], Rossiya v ATR: problemy bezopasnosti i sotrudnichestva. Sb. materialov. Moscow: RISI, 2011, pp. 5-10. (in Russ.).
23. Grekov Ya. Kitai napadet na Rossiyu cherez 5 let. [China will attack Russia in 5 years] (2007), Russkii zhurnal, March 27. (in Russ.).
24. Rozman G. Strategic Thinking About the Russian Far East. A Resurgent Russia Eyes Its Future in Northeast Asia (2008), Problems of Post-Communism, January/February, pp. 36-48.
25. Strategiya natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda. [The National Security Strategy of the Russian Federation until 2020], available at: Official website of President of Russia, <http://kremlin.ru/supplement/424>. (in Russ.).
26. Guoji zhanlue yu anquan xingshi pingjia. [Strategic and Security Review]. 2011/2012, Beijing: Shihi chubanshe, 2012, 355 p. (in Chinese).
27. Ekonomicheskoe razvitie i obespechenie bezopasnosti Kuril'skikh ostrovov Prezident obsudil s glavami ministerstv oborony i regional'nogo razvitiya. 9 fevralya 2011 goda. [The President discussed the economic development and security of the Kurile Islands with the heads of the ministries of defense and regional development. February 9, 2011], available at: Official website of President of Russia, available at: <http://kremlin.ru/transcripts/10289>. (in Russ.).
28. Prokof'ev D. Kitai i Rossiya: neprimirimy protivorechiya na Dal'nem Vostoke. [Prokofiev D. China and Russia: irreconcilable contradictions in the Far East], Informatsionno-analiticheskoe setevoe izdanie «PROVED», available at: <http://xn--b1ae2adf4f.xn--p1ai/article/45862-kitay-i-rossiya--neprimirimy-protivorechiya-na-dalnem-vostoke.html>. (in Russ.).
29. Khranchikhin A. Drakon prosnulsya?: vnutrennie problemy Kitaya kak istochnik kitaiskoi ugrozy dlya Rossii. [Dragon awoke: internal problems of China as a source of Chinese threat to Russia]. 2-nd ed. Moscow: Klyuch-S, 2015, 192 p. (in Russ.).
30. Ugrozy so storony gosudarstv i organizatsii Rossii. Kitai. [The Threats to Russia from Countries and Organizations. China], Available at: Internet portal VTsIOM, available at: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1077&q_id=74757&date=15.05.2016. (In Russ.).
31. Larin V.L., Larina L.L. Kitai v obshchestvennom mnenii zhitelei Tikhookeanskoi Rossii (po itogam oprosa 2017 g.). [China in the Public Opinion of Pacific Russia Citizens (following to survey of 2017)]. (2018), Rossiya i ATR, 2018, no. 2, pp....(in Russ.).
32. Tîrnoveanu Dragoş. Russia, China and the Far East Question. Are there any Chinese 49ers around? (2016), The Diplomat, January 20, available at: <http://thediplomat.com/2016/01/russia-china-and-the-far-east-question/> (accessed 22.04.2018).
33. Kontseptsiya vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii. [Foreign Policy Concept of the Russian Federation], available at: Official website of President of Russia, available at: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf>. (in Russ.).
34. Zasedanie prezidiuma Gossoveta. 29 noyabrya 2012 goda [Meeting of the Presidium of State Council. November 29, 2012], available at: Official website of President of Russia, available at: <http://www.kremlin.ru/news/16990>. (in Russ.).
35. Gipouloux Francois. The Asian Mediterranean. Port Cities and Trading Networks in China, Japan and Southeast Asia, 13th—21st Century. Northampton: Edward Elgar Publishing, Inc., 2011, 407 p.
36. Larin V.L. (ed.). Tikhookeanskaya Rossiya v integratsionnom prostranstve Severnoi Patsifiki v nachale XXI veka: opyt i potentsial regional'nogo i prigranichnogo vzaimodeistviya. [Integrating Pacific Russia into the North Pacific region: experience and potential of regional and cross-border cooperation in the beginning of 21st century], Vladivostok: IIAE DVO RAN, 2017, 386 p. (in Russ.).

37. Kim Chungsoo. Economic Cooperation in Northeast Asia (1991), Korean Journal of International Studies, vol. XXII, no. 1, p. 55-74.
38. Rozman Gilbert. Northeast Asia's Stunted Regionalism: Bilateral Distrust in the Shadow of Globalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2004, 401 P.
39. Ovakimyan B.R. Periferiinaya ekonomika i problema konkurentosposobnosti predprinimatel'stvo. [Economic centres and periphery - and where is Russia? Peripheral economy and the problem of competitiveness]. (2009), Rossiiskoe predprinimatel'stvo, no. 9, pp. 4-9. (in Russ.).
40. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 6 avgusta 2008 g N 1128-p. [Order of the Government of the Russian Federation of August 6, 2008 no. 1128-p], available at: Information and Legal Portal Garant.RU, available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/93697/>. (in Russ.).
41. Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Dal'nego Vostoka i Baikal'skogo regiona na period do 2025 goda. [Strategy of social and economic development of the Far East and the Baikal region for the period up to 2025], available at: "ConsultantPlus" website. available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96571/f1d12cbe15c5cdddbd0ac61a818831f10e1f7c4d/. (in Russ.).
42. Putin V.V. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu. 12 dekabrya 2012 goda [The President Address to the Federal Assembly. 12 December 2012], available at: Official website of President of Russia, available at: <http://kremlin.ru/transcripts/17118>. (in Russ.).
43. Zasedanie Pravitel'stvennoi komissii po voprosam sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Dal'nego Vostoka, oktyabr' 2013 g. [Meeting of the Government Commission on the Socio-Economic Development of the Far East, October 2013], available at: Official website of the Government of Russia, <http://government.ru/news/15151/> (accessed 25.01.2015). (in Russ.).
44. Soveshhanie s chlenami pravitel'stva. 26 marta 2014 g. [Meeting with members of the government. March 26, 2014], available at: Official website of President of Russia, available at: <http://kremlin.ru/transcripts/20642> (accessed 23.01.2015). (in Russ.).
45. Demograficheskie ezhegodniki Rossii za 2007- 2012 gg. Naselenie sub"ektov Rossiiskoi Federatsii na 1 yanvarya. [Demographic Yearbooks of Russia for 2007 - 2012. The population of the Russian Federation as of January 1], available at: Official site of the State Statistics Committee of the Russian Federation, available at: <http://www.gks.ru> (accessed 22.01.2015). (in Russ.).
46. Komrakov A. Rossiiskii Dal'nii Vostok otkryt dlya ekspansii Kitaya. Razvitie osobykh ekonomicheskikh zon mozhnet obrnut'sya peredachei zemel' yuzhnomu sosedu. [The Russian Far East is open to China's expansion. The development of special economic zones can result in the transfer of land to the southern neighbor], available at: Website of Nezavisimaya Gazeta, available at: http://www.ng.ru/economics/2016-09-02/1_east.html. (in Russ.).
47. Starr Frederick (ed.). The New Silk Roads. Transport and Trade in Greater Central Asia, 2007, Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 510 p.
48. Remarks on India and the United States: A Vision for the 21st Century. Hillary Rodham Clinton Secretary of State. Anna Centenary Library. Chennai, India. July 20, 2011, available at: U.S. Department of State website. Archived content, available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/07/168840.htm> (accessed April 21, 2018).
49. Putin W. Plädoyer für Wirtschafts gemeinschaft - Von Lissabon bis Wladiwos (2010), Süddeutsche Zeitung, November, 25.
50. Zasedaniya Mezhgossoveta EvrAzES (Vysshego organa Tamozhennogo soyuza) i Mezhgossoveta EvrAzES na urovne glav gosudarstv. [The meetings of the EurAsEC Interstate Council (Supreme Body of the Customs Union) and the EurAsEC Interstate Council at the level of heads of state], Official site of the Eurasian Economic Community, available at: <http://www.evrases.com/news/view/841>. (accessed 21.04.2018. (in Russ.).
51. Vision and Actions on Jointly Building Belt and Road, available at: CRIENGLISH.com, available at: http://english.cri.cn/12394/2015/03/29/2941s872030_4.htm (accessed 30.05.2016).
52. Kontseptsiya vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii. Uverzhdena Prezidentom Rossiiskoi Federatsii V.V. Putiny 12 fevralya 2013 g. [Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation Approved by President of the Russian Federation V. Putin on 12 February 2013], available at: Official website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, <http://www.mid.ru/>. (in Russ.).
53. Vostochnyi ekonomicheskii forum. Stenogramma plenarnogo zasedaniya 3 sentyabrya 2016 g. [Eastern Economic Forum. Transcript of the plenary meeting on September 3, 2016], available at: Official website of President of Russia, <http://kremlin.ru/events/president/news/52808> (accessed: 02.02.2017). (in Russ.).

54. Zayavleniya dlya pressy po itogam rossiisko-kitaiskikh peregovorov. 4 iyulya 2017 g. [Statements for the press following the results of the Russian-Chinese talks. July 4th, 2017], available at: Official website of President of Russia, <http://kremlin.ru/events/president/news/54979>. (in Russ.).
55. Zayavleniya dlya pressy po itogam rossiisko-kitaiskikh peregovorov. 8 iyunya 2018 g. [Statements for the press following the results of the Russian-Chinese talks. June 8, 2018], available at: Official website of President of Russia, <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/57699>. (in Russ.).
56. China, Russia Agree to Cooperate in Developing Far East, 2014), China Daily, December, 12, available at: Official website of the State Council of Peoples Republic of China, available at: http://english.gov.cn/state_council/vice_premiers/2014/12/12/content_281475022770425.htm.
57. Zhonggong zhongyang guowuyuan guanyu quanmian zhenxing dongbei diqu deng laogongye jidide rogan yijian. [Some proposals of the CPC Central Committee and the State Council on the comprehensive revival of the north-eastern region and other old industrial bases], 2016, April, 26, available at: Official website of State Committee for Development and Reform of the People's Republic of China, available at: http://dbzxs.ndrc.gov.cn/zywj/201604/t20160427_799860.html (accessed 31.03.2018). (In Chinese).
58. Sovmestnoe zayavlenie Rossiiskoi Federatsii i Kitaiskoi Narodnoi Respubliki o novom etape otnoshenii vseob"emlyushchego partnerstva i strategicheskogo vzaimodeistviya ot 20 maya 2014 goda. [Joint Statement of Russian Federation and the People's Republic of China on the New Stage of Comprehensive Partnership and Strategic Cooperation of May 20, 2014], available at: Official website of President of Russia, http://news.kremlin.ru/ref_notes/1643. (in Russ.).
59. Sovmestnoe zayavlenie Rossiiskoi Federatsii i Kitaiskoi Narodnoi Respubliki o dal'neishem uglublennii otnoshenii vseob"emlyushchego partnerstva i strategicheskogo vzaimodeistviya ot 4 iyulya 2017 goda. [Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on Further Deepening the Relationship of Comprehensive Partnership and Strategic Cooperation of July 4, 2017], available at: Official website of President of Russia, <http://kremlin.ru/supplement/5218>. (in Russ.).
60. Sovmestnoe zayavlenie Rossiiskoi Federatsii i Kitaiskoi Narodnoi Respubliki 8 iyunya 2018 g. [Joint Statement of Russian Federation and the People's Republic of China of June 8, 2018], available at: Official website of President of Russia, <http://kremlin.ru/supplement/5312>. (in Russ.).
61. Zayavleniya dlya pressy po itogam peregovorov s Prezidentom Respubliki Koreya Mun Chzhe In-om. 06.09.2017 [Statements for the press following the talks with President of Republic of Korea Moon Jae-in, September 6, 2017], available at: Official website of President of Russia, URL:<http://en.kremlin.ru/events/president/news/55541> (accessed: 08.09.2017). (in Russ.).

Информация об авторе:

Ларин Виктор Лаврентьевич, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, заведующий Центром азиатско-тихоокеанских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук, г. Владивосток, Россия
victorlar@mail.ru

Получена: 25.04.2018

Для цитирования: Ларин В. Л. Тихоокеанская Россия в «Большой Евразии» начала ххi века: вызовы и ответы. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Том. 10. № 3-1 . с.65-81.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-65-81.

Information about the author:

Victor L. Larin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Head of the Center for Asian and Pacific Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia
victorlar@mail.ru

Received: 25.04.2018

For citation: Larin V.L. Pacific Russia in the "Greater Eurasia" at the beginning of XXI century: challenges and responds. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. no.3-1. Pp. 65-81.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-65-81. (in Russ)